

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прошу читателя последовать за мною в ту эпоху жизни моей, когда я встретился впервые с кавалером де Грие: то было приблизительно за полгода до моего отъезда в Испанию. Хотя я редко покидал свое уединение, желание угодить дочери побуждало меня иногда предпринимать небольшие путешествия, которые я сокращал, насколько то было возможно.

Однажды я возвращался из Руана, куда она прислала меня съездить похлопотать в нормандском парламенте о земельных владениях моего деда по материнской линии. Пустившись в путь через Эвре, мой первый ночлег, я собирался на другой день отобедать в Пасси, отстоящем от него на пять или шесть миль. При въезде в деревню меня поразило смещение жителей; они выбегали из домов, стремясь толпой к дверям скверной гостиницы, перед которой стояли две крытые телеги. Вид лошадей, еще не распряженных и дымившихся от усталости и жары, показывал, что повозки только что прибыли.

Я задержался на минуту, чтобы осведомиться о причинах суматохи; но я немногого добился от любопытных поселян, которые, не обращая ни малейшего внимания на мои расспросы, продолжали, беспорядочно толкаясь, сбегаться к гостинице; наконец появившийся в дверях полицейский с пере-

вязью и мушкетом на плече по моему знаку приблизился ко мне; я попросил его изложить мне причину беспорядка. «Пустое дело, сударь, — сказал он, — тут находится проездом дюжина веселых девиц, которых я с товарищами сопровождаю до Гавра, где мы погрузим их для отправки в Америку. Среди них есть несколько красоток, это, очевидно, и возбуждает любопытство добрых поселян».

Получив такое разъяснение, я уже готов был двигаться далее, как меня остановили крики какой-то старухи, которая выбежала из гостиницы, ломая руки и восклицая, что это варварство, что это гнусность, к которой нельзя остаться равнодушным. «В чем дело?» — обратился я к ней. «Ах! Сударь, войдите сюда, — отвечала она, — и убедитесь, что от такого зрелища сердце разрывается!» Влекомый любопытством, я спрыгнул с седла, передав лошадь моему конюху. С трудом пробившись сквозь толпу, я вошел внутрь и был поражен действительно трогательным зрелищем.

Среди дюжины девиц, скованных по шести цепями, охватывавшими их вокруг пояса, была одна, вид и наружность которой столь мало согласовались с ее положением, что в любых иных условиях я принял бы ее за даму, принадлежащую к высшему классу общества. Жалкое ее состояние, грязное белье и платье столь мало ее портили, что ее облик возбуждал во мне уважение к ней и сострадание. Она старалась, насколько позволяли ей оковы, повернуться так, чтобы скрыть лицо от глаз зрителей; ее усилия спрятаться были так естественны, что, казалось, происходили из чувства стыдливости.

Так как шесть стражников, сопровождавших кучку несчастных, присутствовали здесь же в комнате, я отвел в сторону их начальника и обратился к нему,

спросив, кто эта красавица. Он мог мне дать лишь самые общие сведения. «Мы взяли ее из приюта по приказу начальника полиции, — сказал он. — По всему видно, не за хорошие дела она была заключена туда. Я несколько раз расспрашивал ее в пути; она упорно отмалчивается. Но, хотя у меня и нет приказа обращаться с ней лучше, нежели с другими, я о ней больше забочусь, ибо, сдается мне, она малость достойнее своих подруг. Вон тот молодчик, — добавил полицейский, — может вам больше рассказать о причинах ее несчастья: он следует за ней от самого Парижа, не переставая плакать. Должно быть, брат он ей, а не то полюбовник».

Я обернулся к тому углу комнаты, где сидел молодой человек. Казалось, он был погружен в глубокую задумчивость; мне никогда не приходилось видеть более живой картины скорби; одежда его была крайне проста; но человека хорошей семьи и воспитания отличишь с первого взгляда. Я подошел к нему; он поднялся мне навстречу, и я увидел в его глазах, в лице, во всех его движениях столько изящества и благородства, что почувствовал к нему искреннее расположение. «Не беспокоитесь, прошу вас, — сказал я, подсаживаясь к нему. — Не удовлетворите ли вы моего любопытства касательно той красавицы, как мне кажется, вовсе не созданной для жалостного состояния, в котором я ее вижу?»

Он вежливо мне отвечал, что не может сообщить, кто она, не представившись мне сам, но что у него есть веские основания не открывать своего имени. «Могу вам все же сказать то, что не тайна для этих негодяев, — продолжал он, указывая на полицейских, — я люблю ее со столь необоримой страстью, что она делает меня несчастнейшим из смертных. Я все пустил в ход в Париже, чтобы исхлопотать ей

свободу; ни просьбами, ни хитростью, ни силой я ничего не добился. Я решил следовать за ней, хотя бы на край света. Я сяду на корабль вместе с нею; отправлюсь в Америку. Но вот предел бесчеловечности: эти подлые мерзавцы, — прибавил он, говоря о полицейских, — не позволяют мне приближаться к ней. Я сделал попытку напасть на них открыто в нескольких милях от Парижа. Я сговорился с четырьмя молодцами, обещавшими мне помочь за солидную плату; но предатели бросили меня в стычке и бежали, захватив мои деньги. Невозможность достичь чего-либо силой заставила меня сложить оружие; я упрямил стражников позволить мне хотя бы следовать за ними, обещая вознаграждение; жажда наживы побудила их согласиться. Они требовали платы всякий раз, как предоставляли мне возможность говорить с моей возлюбленной. Мой кошелек вскоре иссяк, и теперь, когда я остался без гроша, они стали столь жестоки, что грубо отталкивают меня, стоит мне сделать шаг в ее направлении. Всего какую-нибудь минуту назад, когда я дерзнул приблизиться к ней, несмотря на их угрозы, они имели наглость прицелиться в меня из ружья; я вынужден, дабы удовлетворить их алчность и следовать дальше хотя бы пешком, продать здесь дрянную клячу, что служила мне до сих пор верховой лошастью».

Как ни спокойно, казалось, передавал он мне свою повесть, невольные слезы катились у него из глаз. Станным и трогательным показалось мне это приключение. «Не требую, чтобы вы открыли мне тайну ваших обстоятельств, — сказал я ему, — но, ежели я могу быть чем полезен, охотно предлагаю вам свои услуги». — «Увы! — возразил он, — я не вижу ни слабого луча надежды; мне надлежит всецело покориться суровой судьбе моей. Я поеду в Америку;

там буду, по крайней мере, свободен в своей любви; я написал одному из друзей, и он окажет мне некоторую помощь в Гавре. Главное затруднение мое в том, чтобы попасть туда и чтобы облегчить хоть сколько-нибудь тяготы путешествия несчастному этому созданию», — прибавил он, печально глядя на свою возлюбленную. «Позвольте же мне, — сказал я, — положить конец вашему затруднению: прошу вас принять эту небольшую сумму денег; очень сожалею, что не могу вам помочь иначе».

Я дал ему четыре золотых незаметно от стражи, ибо рассудил, что, узнав об этой сумме, они станут продавать ему свои услуги дороже. Мне даже пришлось в голову сторговаться с ними, чтобы купить молодому любовнику постоянное право разговора со своей возлюбленной вплоть до Гавра. Поманив к себе начальника стражи, я сделал ему соответствующее предложение. Он, видимо, устыдился, несмотря на присущее ему нахальство. «Мы, сударь, не запрещали ему говорить с девицей, — сказал он смущенно, — но он желал быть подле нее все время; это нам неудобно, и справедливость требует, чтоб он платил за причиняемое неудобство». — «Ну, хорошо, — сказал я, — сколько же вам следует, чтобы это вам было не в тягость?» Он имел дерзость потребовать два золотых. Я тотчас дал их ему. «Смотрите, однако, — присовокупил я, — без надувательства! Я оставляю свой адрес молодому человеку, дабы он известил меня обо всем, и знайте, что я найду способ добиться вашего наказания». Все это обошлось мне в шесть золотых.

Непринужденная, живая искренность, с какою молодой незнакомец выразил мне свою благодарность, окончательно убедила меня в том, что я имею дело с человеком из хорошей семьи, заслуживаю-

щим моей щедрости. Прежде чем уйти, я обратился с несколькими словами к его возлюбленной. Она мне отвечала с такой милой, очаровательной скромностью, что, уходя, я невольно предался размышлениям о непостижимости женского характера.

Вернувшись в свое уединение, я больше не имел никаких известий об этом приключении. Прошло около двух лет, и я совсем уже забыл про него, когда неожиданный случай дал мне возможность узнать до конца все обстоятельства дела.

Я прибыл из Лондона в Кале с маркизом де..., моим учеником. Мы остановились, если не изменяет мне память, в «Золотом льве», где по каким-то причинам вынуждены были провести целый день и следующую ночь. Когда я гулял в послеобеденное время по улицам, мне показалось, что я вижу опять молодого незнакомца, с которым встретился тогда в Пасси. Он был весьма плохо одет и гораздо бледнее, чем в первое наше свидание; на руке у него висел старый дорожный мешок, указывавший на то, что он только что прибыл в город.

Он обладал лицом слишком красивым, чтобы его можно было забыть, и я тотчас же признал его. «Подойдемте-ка к этому молодому человеку», — пригласил я маркиза.

Радость юноши была неопишима, когда он тоже признал меня. «О, милостивый государь, — воскликнул он, целуя мне руку, — наконец-то я могу еще раз выразить вам мою вечную признательность!» Я спросил, откуда он теперь. Он отвечал, что прибыл морем из Гавра, куда вернулся незадолго перед тем из Америки. «Вам, видимо, туго приходится, — сказал я ему, — ступайте к „Золотому льву“, где я стою, я тотчас следую за вами».

Я вернулся в гостиницу, сгорая от нетерпения узнать подробности его несчастной судьбы и обстоя-

тельства его поездки в Америку; я окружил его заботами и распорядился, чтобы у него ни в чем не было недостатка. Он не заставил себя упрашивать и вскоре рассказал историю своей жизни. «Вы столь благородно со мной поступаете, — обратился он ко мне, — что я бы упрекал себя в самой черной неблагодарности, утаив что-либо от вас. Поведаю вам не только мои беды и несчастья, но и мою распущенность, и постыднейшие мои слабости: уверен, что строгий ваш суд не помешает вам пожалеть меня».

Должен предупредить здесь читателя, что я записал его историю почти тотчас по прослушании ее, и, следовательно, не должно быть места сомнениям в точности и верности моего рассказа. Заявляю, что верность простирается вплоть до передачи размышлений и чувств, которые юный авантюрист выражал с самым отменным изяществом. Итак, вот его повесть, к которой я не прибавлю до самого ее окончания ни слова от себя.

Мне было семнадцать лет, и я заканчивал курс философских наук в Амьене, куда был послан родителями, принадлежащими к одной из лучших фамилий П... Я вел жизнь столь разумную и скромную, что учителя ставили меня в пример всему коллежу. Притом я не делал никаких особых усилий, чтобы заслужить сию похвалу; но, обладая от природы характером мягким и спокойным, я учился охотно и с прилежанием, и мне вменялось в заслугу то, что было лишь следствием естественного отвращения к пороку. Мое происхождение, успехи в занятиях и некоторые внешние качества расположили ко мне всех достойных жителей города.

Я закончил публичные испытания с такой прекрасной аттестацией, что присутствовавший на них

епископ предложил мне принять духовный сан, суливший, по словам его, еще большие отличия, нежели Мальтийский орден, к коему предназначали меня родители. По их желанию я уже носил орденский крест, а вместе с ним имя кавалера де Грие; приближались вакации, и я готовился возвратиться к отцу, который обещал в скором времени отправить меня в Академию.

Единственное, что меня печалило, когда я покидал Амьен, было расставание с другом, связанным со мной постоянными, нежными узами. Он был на несколько лет старше меня. Мы воспитывались вместе, но, происходя из бедной семьи, он был поставлен в необходимость принять духовный сан и после моего отъезда оставался в Амьене для занятий богословскими науками. Он обладал множеством достоинств. Вы узнаете его с лучших сторон в продолжение моей истории, особенно же со стороны великодушия и преданности в дружбе, которыми он превосходит славнейшие примеры древности. Если бы следовал я тогда его советам, я бы всегда был мудр и счастлив. Если бы внял я его увещаниям, хотя бы из глубины бездны, куда увлекали меня страсти, я спас бы что-нибудь при крушении моего состояния и доброго имени. Но его заботы не принесли ему ничего, кроме горя при виде их бесполезности, а иногда и грубого отпора со стороны неблагодарного, который обижался на них, как на назойливые приставания.

Я назначил срок отъезда из Амьена. Увы! Почему я не назначил его днем раньше? Я прибыл бы в отчий дом непорочным и добродетельным. Как раз накануне расставания моего с городом я гулял со своим другом, имя которого Тиберж; мы встретили аррасскую почтовую карету и последовали за ней до гостиницы, где останавливаются дилижансы. У нас

не было к тому иного повода, кроме пустого любопытства. Из нее вышло несколько женщин, сейчас же удалившихся в гостиницу; одна только, совсем еще юная, одиноко поджидала во дворе, пока пожилой человек, очевидно ее провожатый, хлопотал около ее поклажи. Она показалась мне столь очаровательной, что я, который никогда прежде не задумывался над различием полов, никогда не смотрел внимательно ни на одну девушку и своим благоразумием и сдержанностью вызывал общее восхищение, мгновенно воспылал чувством, охватившим меня до самозабвения. Большим моим недостатком была чрезвычайная робость и застенчивость; но тут эти свойства нисколько не остановили меня, и я прямо направился к той, которая покорила мое сердце.

Хотя она была еще моложе меня, она не казалась смущенной знаками моего внимания. Я обратился к ней с вопросом: что привело ее в Амьен и есть ли у нее тут знакомые? Она отвечала мне простодушно, что родители посылают ее в монастырь. Любовь настолько уже овладела всем моим существом с той минуты, как воцарилась в моем сердце, что я принял эту весть как смертельный удар моим надеждам. Я говорил с таким пылом, что она сразу догадалась о моих чувствах, ибо была гораздо опытнее меня; ее решили поместить в монастырь против воли, несомненно, с целью обуздать ее склонность к удовольствиям, которая уже обнаружилась и которая впоследствии послужила причиной всех ее и моих несчастий. Я оспаривал жестокое намерение ее родителей всеми доводами, какие только подсказывали мне моя расцветающая любовь и мое школьное красноречие. Она не выказывала ни строгости, ни удивления. После минуты молчания она сказала, что предвидит слишком ясно горестную участь свою, но такова, очевидно, воля Неба, раз оно не дает никаких

средств этого избежать. Нежность ее взоров, очаровательный налет печали в ее речах, а может быть, моя собственная судьба, влекшая меня к гибели, не дали мне ни минуты колебаться с ответом. Я стал уверять, что, ежели она только положится на мою честь и на бесконечную любовь, которую уже внушила мне, я не пожалею жизни, чтобы освободить ее от тирании родителей и сделать счастливой. Я всегда удивлялся, размышляя впоследствии, откуда явилось у меня тогда столько смелости и находчивости; но Амура никогда бы не сделали божеством, если бы он не творил чудес. Я прибавил еще тысячу убедительных доводов.

Прекрасная незнакомка хорошо знала, что в мои годы не бывают обманщиками; она поведала мне, что, если бы я вдруг нашел способ вернуть ей свободу, она почитала бы себя обязанной мне больше чем жизнью. Я отвечал, что готов на все; но, не имея достаточной опытности, чтобы сразу изобрести средства услужить ей, я ограничился общим уверением, от которого не могло быть большого толку ни для нее, ни для меня. Тем временем старый аргус присоединился к нам, и мои надежды должны были рухнуть, если бы находчивая девица не пришла на помощь моей недогадливости. Я был поражен неожиданностью, когда при появлении провожатого она назвала меня своим двоюродным братом и, не выказав ни малейшего смущения, объявила мне, что так счастлива встретить меня в Амьене, что решила отложить до завтра вступление в монастырь ради удовольствия поужинать со мною. Я отлично понял и оценил ее хитрость; я предложил ей остановиться в гостинице, хозяин которой, до переселения в Амьен, прослужил долгое время в кучерах у моего отца и был всецело мне предан.

Я сам сопровождал ее туда; старый провожатый ворчал сквозь зубы, приятель же мой Тиберж, ровно ничего не понимая в этой сцене, молча следовал за мною: он не слышал нашей беседы, прогуливаясь по двору, куда я говорил о любви моей прекрасной даме. Опасаясь его благоразумия, я отделался от него, послав его с каким-то поручением. Итак, придя в гостиницу, я мог отдаться удовольствию беседы наедине с властительницею моего сердца.

Я скоро убедился, что я не такой ребенок, как мог думать. Сердце мое открылось множеству сладостных чувств, о которых я и не подозревал, нежный пыл разлился по всем моим жилам. Я пребывал в состоянии восторга, на несколько времени лишившего меня дара речи и выражавшегося лишь в нежных взглядах.

Мадемуазель Манон Леско — так она назвала себя, — видимо, была очень довольна действием своих чар. Мне казалось, что она увлечена не менее моего; она призналась, что находит меня милым и с радостью будет почитать себя обязанной мне своей свободой. Пожелав узнать, кто я такой, она еще более растрогалась, ибо, будучи заурядного происхождения, была польщена тем, что покорила такого человека, как я. Мы стали обсуждать, каким образом принадлежать друг другу.

После недолгих размышлений мы не нашли иного пути, кроме бегства. Следовало обмануть бдительного провожатого, который хоть и слуга, а был не так прост; мы решили, что за ночь я снаряжу почтовую карету и рано утром, до его пробуждения, вернусь в гостиницу; что мы бежим украдкой и направимся прямо в Париж, где тотчас же обвенчаемся. В кошельке у меня было около пятидесяти экю — плод мелких сбережений, у нее было приблизительно вдвое больше. По неопытности мы воображали,

что сумма эта неисчерпаема; не менее того рассчитывали мы и на успех других наших замыслов.

Пужинав с большим, чем когда-либо, удовольствием, я удалился хлопотать о выполнении нашего плана. Мои приготовления значительно упростились тем обстоятельством, что, назначив отъезд домой на следующий день, я уже ранее собрал свои пожитки. Итак, мне ничего не стоило отправить дорожный сундук в гостиницу и заказать карету к пяти часам утра, когда городские ворота бывали уже отперты; но оставалось одно препятствие, которое я не принял в расчет, и оно чуть было не разрушило весь мой план.

Тиберж, хотя и старший меня всего тремя годами, был юношей зрелого ума и строгих правил; ко мне питал он исключительно нежные чувства. Вид столь красивой девицы, как мадемуазель Манон, мое рвение сопровождать и старания отделаться от него возбудили в нем некоторые подозрения. Он не посмел вернуться в гостиницу, где оставил нас, боясь явиться некстати; но решил дожидаться моего прихода у меня дома, где я и застал его, хотя было уже десять часов вечера. Его присутствие меня немало огорчило. Ему ничего не стоило обнаружить мое смущение. «Уверен, — откровенно обратился он ко мне, — что вы замышляете нечто, что желаете скрыть от меня; вижу то по вашему лицу». Я отвечал довольно резко, что не обязан отдавать ему отчет в каждом моем шаге. «Согласен, — возразил он, — но вы всегда относились ко мне как к другу, а это предполагает некоторое доверие и откровенность с вашей стороны». Он так настойчиво стал убеждать меня поделиться с ним моей тайной, что, будучи всегда с ним прямодушен, я и теперь всецело доверил ему свое страстное увлечение. Он принял мой рассказ с не-

скрываемым недовольством, повергшим меня в трепет. Особенно раскаивался я в болтливости, с какой расписал ему весь план нашего бегства. Он заявил, что питает ко мне слишком преданную дружбу, чтобы не воспротивиться этой затее всеми силами; что представит мне сначала все доводы, могущие меня остановить; но что, ежели я не откажусь и после этого от своего несчастного решения, он предупредит о том лиц, которые смогут пресечь его в корне. Засим обратился он ко мне со строгой речью, длившейся более четверти часа и закончившейся новой угрозой донести на меня, если я не дам ему слова поступать более разумно и осмотрительно.

Я был в отчаянии, что выдал себя так некстати. Но так как за последние два-три часа любовь крайне изошрила мой ум, я умолчал о том, что выполнение плана назначено на следующее утро, и решил при помощи уловки обойти затруднение. «Тиберж, — сказал я, — до сих пор считал я вас за друга и хотел испытать вас своим доверием. Я действительно влюблен, я не обманул вас; но бегство — не такой шаг, чтобы решиться на него необдуманно. Зайдите завтра за мной в девять утра; я постараюсь познакомить вас с моей возлюбленной, и судите тогда сами, достойна ли она моего решения». Он покинул меня с бесконечными уверениями в своей дружбе.

Всю ночь я приводил в порядок дела и, чуть забрезжило утро, был уже в гостинице мадемуазель Манон. Она ожидала у окна, выходявшего на улицу, и, увидев меня, сама отворила мне двери. Бесшумно мы вышли наружу. У нее был только сундучок с бельем, и я донес его собственноручно. Карета была уже подана; не медля ни минуты, мы покинули город.

Впоследствии я сообщу о поведении Тибержа, когда обнаружил он мое вероломство. Рвение его не

угасло. Вы увидите, куда оно его завело и сколько пролил я слез, размышляя о том, какова была его награда.

Мы так гнали лошадей, что прибыли в Сен-Дени еще до ночи. Я скакал верхом подле кареты, вследствие чего мы могли вести разговор лишь во время перемены лошадей; но, едва только мы увидели Париж, то есть почувствовали себя почти в безопасности, мы позволили себе подкрепиться, ибо ничего не ели с самого Амьена. Как ни был я влюблен в Манон, она сумела меня убедить в не менее сильном ответном чувстве. Столь мало сдержанны были мы в своих ласках, что не имели терпения ждать, когда останемся наедине. Кучер и трактирщики смотрели на нас с восхищением и, как я заметил, были поражены, видя такое неистовство любви в детях нашего возраста.

Намерение обвенчаться было забыто в Сен-Дени; мы преступили законы Церкви и стали супругами, нимало над тем не задумавшись. Несомненно, что, обладая характером нежным и постоянным, я был бы счастлив всю жизнь, если бы Манон оставалась мне верной. Чем более я узнавал ее, тем более новых милых качеств открывал я в ней. Ее ум, ее сердце, нежность и красота создавали цепь столь крепкую и столь очаровательную, что я пожертвовал бы всем моим благополучием, чтобы только быть навеки око-ванным ею. Ужасная превратность судьбы! То, что составляет мое отчаяние, могло составить мне счастье! Я стал несчастнейшим из людей именно благодаря своему постоянству, хотя, казалось, вправе был ожидать сладчайшей участи и совершеннейших даяний любви.

В Париже сняли мы меблированное помещение на улице В... и, на мою беду, рядом с домом известного откупщика, г-на де Б... Прошло три недели,

в течение коих я столь преисполнен был страстью, что и думать позабыл о родных и о том, как огорчен отец моим отсутствием. Тем временем, поскольку поведение мое не заключало в себе ни малейшей доли распутства, а также и Манон вела себя безупречно, спокойствие жизни нашей мало-помалу пробудило во мне сознание долга.

Я принял решение по возможности примириться с отцом. Возлюбленная моя была так мила, что я не сомневался в хорошем от нее впечатлении, если бы нашел средство ознакомить отца с ее благонравием и достойным поведением; одним словом, я льстил себя надеждой получить от него разрешение жениться на ней, не видя возможности осуществить это без его согласия. Я сообщил свое намерение Манон, дав ей понять, что, помимо побуждений сыновней любви и долга, следует считаться и с жизненной необходимостью, ибо средства наши крайне истощились и я начинаю терять уверенность в том, что они неиссякаемы.

Манон холодно отнеслась к моему намерению. Однако все ее возражения были мною приняты за проявление с ее стороны нежного чувства и за боязнь меня потерять в случае, если отец мой, узнав место нашего убежища, не даст своего согласия на брак; и я ничуть не подозревал жестокого удара, который был уже занесен надо мною. На доводы о неотложной необходимости она отвечала, что у нас есть еще на что прожить несколько недель, а затем она рассчитывает на привязанность к ней и помощь родственников, к которым напишет в провинцию. Она подсластила отказ свой столь нежными и страстными ласками, что, живя только ею одной и не питая ни малейшего недоверия к ее чувству, я принял все ее возражения и со всем согласился.

Я предоставил ей распоряжаться нашим кошельком и заботиться об оплате ежедневных расходов. Немного спустя я заметил, что стол наш улучшился, а у нее появилось несколько новых, довольно дорогих нарядов. Зная, что у нас едва-едва оставалось каких-нибудь двенадцать—пятнадцать пистолей, я выразил изумление явному приращению нашего богатства. Смеясь, просила она меня не смущаться этим обстоятельством. «Разве не обещала я вам изыскать средства?» — сказала она. И я был слишком еще наивен в своей любви к ней, чтобы поддасться какой-либо тревоге.

Однажды вышел я после полудня, предупредив ее, что буду в отсутствии дольше обычного. Вернувшись, я был удивлен, прождав у дверей минуты две-три, пока мне отворили. Единственной прислугой у нас была девушка приблизительно нашего возраста. Когда она впускала меня, я обратился к ней с вопросом, почему меня заставили так долго ждать. Она смущенно отвечала, что не слышала моего стука. Я стучал всего один раз и поэтому заметил ей: «Но если вы не слышали, почему же пошли мне отворять?» Вопрос мой привел ее в такое замешательство, что, не находя ответа, она принялась плакать, уверяя, что это не ее вина, что барыня запретила ей отворять, прежде чем г-н де Б... не уйдет по другой лестнице, примыкавшей к спальней. В моем смущении я не имел сил войти в дом. Я решил вновь спуститься на улицу под предлогом какого-то дела и приказал девушке передать барыне, что вернусь через минуту, запретив ей, однако, сообщать, что она говорила мне о г-не де Б...

Охватившая меня тоска была столь велика, что, сходя по лестнице, я проливал слезы, не ведая еще, какое чувство было их источником. Я вошел в пер-

вую попавшуюся кофейную и, заняв место у столика, оперся головой на руки, дабы размыслить о происшедшем. Я не смел вызвать в памяти то, о чем только что услышал; мне хотелось счесть это лишь обманом слуха, и много раз я готов был уже встать и вернуться домой, не показывая вида, что я что-либо заметил. Измена Манон мне представилась столь невероятной, что я боялся оскорбить ее подозрением. Я обожал ее, это было несомненно; я дал ей не больше доказательств любви, чем получил от нее: как же я мог ее обвинять в меньшей искренности, в меньшем постоянстве сравнительно со мною? Какой ей смысл было меня обманывать? Всего три часа назад осыпала она меня самыми нежными ласками и с упоением отдавалась моим; собственное сердце знал я не лучше ее сердца. «Нет, нет, — восклицал я, — невозможно, чтобы Манон мне изменила! Ей ведомо, что жизнь моя посвящена лишь ей одной; она слишком хорошо знает, как я обожаю ее! За что же ей меня ненавидеть?»

А между тем посещение и тайное бегство г-на де Б... приводили меня в замешательство. Я вспомнил также разные мелкие покупки Манон, которые явно превосходили наши средства. Они наводили на мысль о щедротах нового ее любовника. А ее уверения, что она изыщет денежные средства из какого-то неведомого источника?! Всем этим догадкам я не мог найти того удовлетворительного объяснения, какого жаждало мое сердце.

С другой стороны, я почти не расставался с ней с тех пор, как мы поселились в Париже. Занятия, прогулки, развлечения — повсюду мы были вместе. Боже мой! Да мы бы не вынесли огорчения даже минутной разлуки! Нам беспрестанно надо было говорить друг другу о любви; без того мы умерли бы от

беспокойства. И вот я не мог вообразить ни на одно мгновение, чтобы Манон была занята кем-либо другим, а не мною.

В конце концов мне показалось, что я нашел разгадку этой тайны. «Г-н де Б..., — решил я, — ведет большие дела и имеет обширную клиентуру; родители Манон могли при его посредстве передать ей некоторую сумму денег. Быть может, уже и ранее она получила что-нибудь от него; сегодня он явился, чтобы передать ей еще. Вероятно, она решила скрыть от меня его приход, чтобы потом поразить меня приятной неожиданностью. Может быть, она и рассказала бы об этом, войди я к ней как обычно, вместо того чтобы сидеть здесь и сокрушаться. Во всяком случае, она не станет от меня таиться, если я сам заговорю с ней об этом».

Я настолько проникся этим убеждением, что оно весьма ослабило мою печаль. Я тотчас же вернулся домой и обнял Манон с обычной нежностью. Она очень приветливо меня встретила. Сперва я подумал было рассказать ей о своих догадках, которые представлялись мне теперь более чем несомненными, но удержался в надежде, что, может быть, она сама поведаст мне все, что произошло.

Подали ужин. Я сел за стол в очень веселом настроении, но при свете свечи, которая стояла между нами, лицо дорогой моей возлюбленной показалось мне печальным. Ее грусть передалась и мне. Я заметил во взгляде ее, обращенном на меня, что-то необычное. Я не мог разобрать, была ли то любовь или сострадание, но чувство, выразившееся в ее очах, казалось мне ласковым и томным. Я взирал на нее с не меньшим вниманием; и может быть, ей было столь же трудно судить о состоянии моего сердца по моим взглядам. Мы не могли ни говорить, ни есть.

Наконец слезы потекли из ее прекрасных очей: лживые слезы!

«О боже! — вскричал я, — вы плачете, дорогая Манон; вы расстроены до слез и не скажете мне ни слова о ваших печалях». Она ответила мне лишь глубокими вздохами, которые усилили мою тревогу. Трепеща, я встал с места; я заклинал ее со всем рвением любви моей открыть причину слез; отирая их, я плакал сам; я был ни жив ни мертв. Даже варвар был бы тронут искренностью моей скорби и моих опасений.

В то время, как я весь был занят ею, я услышал шаги нескольких человек по лестнице. Легонько постучали в дверь. Манон быстро поцеловала меня и, выскользнув из моих объятий, бросилась в спальную, мгновенно заперев за собою дверь. Я вообразил, что, желая привести в порядок свое платье, она решила скрыться от посетителей, которые постучались. Я сам пошел им отворять.

Не успел я отворить дверь, как был схвачен тремя мужчинами, в коих признал лакеев моего отца. Они не применили ко мне насилия; но пока двое из них держали меня за руки, третий обыскал мои карманы и вынул из них небольшой нож, единственное оружие, бывшее при мне. Принося мне извинения за столь невежливое со мною обхождение, они разъяснили, что действуют по приказу моего отца и что мой старший брат ожидает меня внизу в карете. Я был так поражен, что без сопротивления и без возражений позволил себя проводить к нему. Брат действительно дожидался меня. Меня посадили в карету рядом с ним, и кучер, как ему было приказано, тут же погнался на лошадей в Сен-Дени. Брат нежно обнял меня, но не проронил ни слова; таким образом, я обладал полным досугом, чтобы предаться мыслям о злой судьбе своей.

Сперва я так был озадачен, что ни одно предположение не приходило мне в голову. Меня жестоко предали, но кто же? Тиберж первый пришел мне на ум. «Изменник! — говорил я. — Ты заплатишься жизнью, если подозрения мои справедливы». Между тем я рассудил, что он не был осведомлен о месте моего убежища и, следовательно, не от него могли узнать о нем. Я не смел запятнать свое сердце обвинением Манон. Та чрезвычайная печаль, которою, казалось мне, она была подавлена, ее слезы, нежный поцелуй, с которым она убежала, представлялись мне немалой загадкой; но я был склонен объяснять это как бы предчувствием нашей общей беды; сокрушаясь и ропща на судьбу, оторвавшую меня от нее, я наивно воображал, что она заслуживает еще более сожалений, нежели я сам.

После долгих раздумий я пришел к убеждению, что меня узнал на парижских улицах кто-нибудь из знакомых, который и сообщил о том моему отцу. Мысль эта меня утешила. Я рассчитывал отделаться суровыми упреками, пусть даже каким-нибудь наказанием, которые мне следовало выдержать во имя родительского авторитета. Я решил терпеливо все перенести и обещать все, чего от меня потребуют, дабы как можно скорее вернуться в Париж и вновь наслаждаться счастливой жизнью со своей дорогой Манон.

Спустя немного времени мы прибыли в Сен-Дени. Брат, удивленный моим молчанием, приписал его страху. Он стал утешать меня, уверяя, что мне нечего бояться суровости отца, ежели только я проникнусь сознанием своего долга и оправдаю любовь, которую отец питает ко мне. В Сен-Дени брат решил остаться на ночлег и предусмотрительно положил спать всех трех лакеев в моей комнате.

Тяжело мне было очутиться опять в той же самой гостинице, где мы останавливались вместе с Манон по пути из Амьена в Париж. Хозяин и слуги узнали меня и сразу разгадали истинный смысл моего приключения. Я услышал, как один из слуг говорил хозяину: «А ведь никак это тот самый красавчик, что полтора месяца назад проезжал здесь с той пригожей девицей. Уж как он любил ее! Уж как они ласкали друг дружку, бедные детки! Жаль, ей-богу, что их разлучили». Я притворился, будто ничего не слышу, и постарался никому не показываться на глаза.

В Сен-Дени брата дожидалась двухместная карета. Мы выехали спозаранку и на другой день к вечеру были дома. До моей встречи с отцом брат поведился с ним с глазу на глаз, дабы расположить его в мою пользу, рассказав, как покорно дал я себя увезти, таким образом, я был принят отцом гораздо приветливее, чем мог ожидать. Он удовольствовался общим выговором за проступок, который я совершил, исчезнув из дому без его позволения. Упомянув о моей возлюбленной, он сказал, что я вполне заслужил то, что со мной произошло, связавшись с незнакомкой; что он был лучшего мнения о моем благоразумии, однако надеется, что это маленькое приключение сделает меня умнее. Всю его речь истолковал я лишь в благоприятном для себя смысле. Я принес благодарность отцу за доброту, с коей простил он меня, и обещал отныне соблюдать послушание и руководствоваться более строгими правилами в своем поведении. В глубине сердца я торжествовал; ибо, по обороту всего дела, я не сомневался, что получу возможность уже ближайшей ночью исчезнуть из дому.

Сели ужинать: за столом подшучивали над моей амьенской победой и бегством с верной любовницей. Я добродушно принимал насмешки; был даже в вос-

торге, что мне позволено вести разговор о предмете, неотступно занимающем мои мысли. Однако несколько слов, оброненных отцом, заставили меня насторожиться. Отец заговорил о вероломной и корыстной услуге, оказанной г-ном де Б... Я замер от смущения, услышав это имя из уст моего отца, и покорно просил его разъяснить мне подробнее, о чем идет речь. Он обратился к моему брату с вопросом, рассказал ли он мне всю историю. Брат отвечал, что в дороге я держался так спокойно, что он не усмотрел надобности в этом лекарстве для излечения моего безумия. Я заметил, что отец колеблется, не уверенный, следует ли объяснить мне все до конца. Но я стал умолять его столь настойчиво, что он удовлетворил моему любопытству, а вернее будет сказать, жестоко казнил меня самым ужасным из всех разоблачений.

Сначала он спросил, всегда ли я имел наивность верить в любовь своей подруги. Я отвечал со всей прямоотой, что вполне в этом уверен и ничто не может поселить во мне ни малейшего сомнения. «Ха! ха! ха! восхитительно! — вскричал он, громко расхохотавшись. — Что за прелестная простота! Меня умиляют твои чувства. Какая жалость, что я записал тебя в Мальтийский орден, бедный ты мой рыцарь, раз из тебя может выйти такой покладистый и удобный супруг». И он еще долго не унимался в своих насмешках над моей глупостью и доверчивостью.

В конце концов, так как я упорно молчал, он повел речь о том, что, согласно его расчетам, начиная с отъезда из Амьена, Манон любила меня всего лишь около двенадцати дней. «Ибо, — прибавил он, — я знаю, что уехал ты из Амьена двадцать восьмого дня прошлого месяца; сегодня двадцать девятое: одиннадцать дней прошло с тех пор, как господин Б... мне написал: полагаю, что ему потребовалось

дней восемь для того, чтобы завязать близкое знакомство с твоей подругой; итак, отняв одиннадцать и восемь из тридцати одного дня, что протекли от двадцать восьмого числа одного месяца до двадцать девятого другого, получаем двенадцать или около того». И взрывы смеха возобновились.

Сердце мое сжалось, покуда я выслушивал его насмешки, и я боялся не выдержать до конца этой печальной комедии. «Да будет тебе ведомо, — продолжал отец, — раз сам ты ничего не подозреваешь, что господин Б... покорила сердце твоей принцессы, ибо, конечно, он пускает мне пыль в глаза, рассчитывая меня убедить, будто возымел намерение похитить ее у тебя из бескорыстного рвения оказать мне услугу. От кого другого, а уж от такого человека, да притом вовсе даже не знакомого со мною, невозможно ожидать проявления столь благородных чувств! Он узнал от нее, что ты мой сын, и, чтобы избавиться от твоей назойливости, донес мне о месте вашего пристанища и о распутном образе жизни, дав понять, что необходимы крутые меры, чтобы схватить тебя; он предложил помочь мне в этом, и благодаря его наставлениям и указаниям твоей любовницы брату твоему удалось захватить тебя врасплох. Поздравь же себя в прочности своего триумфа! Ты умеешь добиться быстрой победы, рыцарь; но не умеешь закрепить за собой свои завоевания».

Дольше я не имел сил вынести речь, каждое слово которой пронзало мое сердце. Я встал из-за стола и не успел сделать нескольких шагов к двери, как упал без чувств и без сознания. Оказанная мне быстрая помощь привела в себя. Я открыл глаза, дабы пролить потоки слез, и уста, дабы излить жалобы, самые печальные, самые трогательные. Нежно любящий меня отец горячо принялся утешать меня.

Я слышал слова его, не внимая их смыслу. Я пал перед ним на колени; сжимая руки, заклинал его отпустить меня в Париж, чтобы заколоть Б... «Нет, — говорил я, — он не покорила сердца Манон; он принудил ее, он ее обольстил чарами или зельем, быть может, овладел ею силой. Манон любит меня, мне ли этого не знать? Наверное, он угрожал ей с кинжалом в руке и против воли заставил покинуть меня. Он был готов на все, чтобы похитить у меня мою прелестную возлюбленную. О боже! боже, возможно ли, чтобы Манон мне изменила и перестала любить меня!»

Так как я все время твердил о скорейшем возвращении в Париж и всякий раз при этом даже вскакивал с места, отец мой понял, что в моем исступлении ничто не сможет меня остановить. Он отвел меня в одну из верхних комнат, где оставил двух слуг для присмотра за мною. Я более не владел собой. Я бы пожертвовал тысячью жизней, лишь бы только побывать на четверть часа в Париже. Я понял, что выдал себя и мне не позволят так просто выйти из своей комнаты. Я смерил глазами высоту окон над землей. Не видя никакой возможности убежать этой дорогой, я обратился к двум моим стражам. Я надавал им множество обещаний, сулил им целое состояние, если они не станут препятствовать моему побегу. Я убеждал, увещевал, угрожал; попытки мои были бесполезны. Тут я потерял всякую надежду. Я решил умереть и бросился на постель, намереваясь покинуть ее лишь вместе с жизнью. Я провел ночь и следующий день в том же положении. Я отверг пищу, которую принесли мне наутро.

Отец пришел навестить меня после полудня. По доброте своей он старался облегчить мои страдания самыми ласковыми утешениями. Он столь ре-

шительно приказал мне что-нибудь съесть, что из уважения к нему я повиновался. Прошло несколько дней, в течение которых я принимал пищу только в его присутствии, покоряясь его воле. Он не переставал приводить мне доводы, стараясь образумить меня и внушить презрение к неверной Манон. Правда, я более уже не уважал ее; как мог я уважать самое ветреное, самое коварное из всех созданий? Но ее образ, пленительные черты я лелеял по-прежнему в глубине моего сердца; я это ясно чувствовал. «Пусть я умру, — говорил я, — как можно не умереть после такого позора и таких страданий; но я претерплю тысячу смертей, а не забуду неблагодарной Манон».

Отец был поражен, видя меня в непрерывной тоске. Он знал мои правила чести и, не сомневаясь в том, что ее измена должна вызвать во мне презрение, вообразил, что постоянство мое происходит не столько от этой страсти, сколько от общего влечения моего к женщинам. Он настолько проникся этой мыслью, что, движимый нежной привязанностью, однажды вошел ко мне с готовым предложением. «Кавалер, — сказал он, — до сей поры всегда желал я видеть тебя рыцарем Мальтийского ордена; убеждаюсь, однако, что склонности твои направлены в иную сторону; тебя влечет к красивым женщинам; я решил подыскать тебе подругу по вкусу. Скажи мне откровенно, что думаешь ты об этом?»

Я отвечал, что отныне не делаю различий между женщинами и после несчастья, случившегося со мною, всех их презираю одинаково. «Я отыщу тебе такую, — засмеялся отец, — которая будет походить на Манон и будет вернее, чем она». — «Ах, ежели у вас есть доброе чувство ко мне, — воскликнул я, — верните мне ее, только ее одну! Верьте, дорогой батюшка, она не изменила мне; она не способна на

Содержание

Предуведомление автора	
«Записок знатного человека»	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	109